

чаду событий / Чуть-чуть наш узел развязать, / Чтоб на мои одни лишь плечи / Не клали сдуру весь багаж...»¹.

Хотя финал, пожалуй, остается традиционным. Писатель идет на вернисаж вслед за издателем, тем самым подтверждая свою зависимость от власти рубля. Вместе с ним «все поднимаются и уходят». Это опять же подчеркивает, что все персонажи – принадлежность лживого, продажного, лицемерного, глупого мира, в котором проблема «литератор и общество» будет стоять вечно.

Ю. Л. Василевская

ОБРАЗЫ ПРОМЕТЕЯ И ГЕРОСТРАТА В РОМАНЕ Л. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»

Исследователь-леоновед Т. М. Вахитова, рассуждая о месте и роли природных стихий в творческом наследии Леонова, пишет: «В зрелом творчестве, особенно в романистике, природные стихии выделяются в особые сферы, каждая из которых имеет свои границы и владения. Именно они по очереди (или сразу вместе) управляют миром, нарушая ход и развитие цивилизации и культуры, Земли и Космоса. Природные стихии всегда неожиданны и несут как положительные, так и отрицательные моменты»². В «Пирамиде», как она полагает, Леонов «придаёт всем природным стихиям трагический оттенок и переводит их в трансцендентальный и мистический вид»³.

Важное место в «Пирамиде» занимают образы огня и огненной стихии вообще. Т. М. Вахитова пишет, что «огненная, пламенная стихия у Леонова доминирует над всеми стихиями. Как и у Блока, она не имеет границ и бушует на земле, в душе человека в запредельном, иррациональном пространстве. <...> Огонь — это боль и страдание, которыми возвышается человек. Огонь — самая

---

¹ Черный Саша. Указ. соч. С. 103.

² Вахитова Т. М. Природные стихии в творчестве Леонида Леонова. // Русская литература. 2005. №3. С. 90.

³ Там же.

страшная катастрофа, уничтожающая всё живое и неживое, превращающая всё сущее в прах и пепел»¹. С огнём в «Пирамиде» оказываются тесно связаны два образа-символа — Прометей и Герострат.

Образ Прометея на протяжении веков претерпевал определённую трансформацию. Согласно Горацию дерзкий Прометей совершил «злой обман», принеся огонь, что послужило развитию губительных последствий. Создавая человека, он вложил в него «злобу» и «безумие» льва. Прометей заботился только о его теле, и отсюда все беды человеческой жизни и вражда среди людей. У Гесиода Прометей вполне очеловечен и даже является противником олимпийских богов более раннего периода, то есть богов стихийных, доантропоморфных. Вместе с тем он навсегда остался символом борьбы с личным захватом власти антропоморфными богами и в этом смысле защитником людей. В русской литературе Прометей воплощал символ передовой науки, служащей на пользу человечеству (например, Ломоносов «Письмо о пользе стекла...»). Если перейти к русской поэзии XIX века, то здесь Прометей трактовался как символ духовной свободы, света и справедливости. А. Ф. Лосев полагал, что «наряду с идеями свободы и справедливости Прометей выступал у нас также и как родоначальник и предначинатель художественного творчества, которое тоже имеет ближайшее отношение к свободе духа»². Были в России и «критики» Прометея, порицавшие его за совершение им безрассудного подвига, который не нужен человеческой массе.

Имя Прометея, как правило, связано в читательском восприятии с двумя сюжетами — «похищение божественного пламени» и «наказание». Оба они задействованы в «Пирамиде». Огонь Герострата, в отличие от огня Прометея, — это огонь разрушающий, во имя приобретения славы, разрушающий то, что создано «пламенем Прометея». Таким образом, эти два образа предстают как антитетичные. Образы Прометея и Герострата в романе связаны в первую очередь с фининспектором Гавриловым и режиссёром Сорокиным.

---

¹ Там же. С. 87.

² Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. С. 274.

Типичный «маленький человек», по его собственному определению, «мелкий винтик» (1, 304)¹, Гаврилов в своей «бунтовской и до последней срамоты откровенной» исповеди называет себя представителем и голосом «рабов», которые борются уже не за «хлеб и зрелища», а «против подлейшего из всех видов превосходства одних над другими» (1, 305), под которым он подразумевает наличие таланта. В качестве примера такого вопиющего неравенства фининспектор приводит свою жизнь и жизнь знаменитого режиссёра Сорокина. По убеждению Гаврилова, единственный способ взять реванш для таких, как он, — стать «Геростратом»: «Пылая от злого геростратова сознания, что не м о и, мысленно брожу в дворцах и храмах, музеях и обсерваториях, и вдруг на нетопырьих крыльях взлетаю из трущобы и начинаю крушить тысячелетние склады чужого вдохновения...» (1, 306-307). Фининспектор мечтал подняться над собственной посредственностью, стать «Прометеем»: «Меж тем, я тоже хотел бы принять личное участие в руководстве прогрессом, писать симфонии, лечить рак, добывать умственный огонь людям... Дело, очевидно, в моей ущербной конструкции. Вы мне скажете в ответ, что сгорать надо, так ведь и я не прочь, пускай ворон клюёт у меня печёнку, когда заблагорассудится, но он мою не хочет, брезгует, тварь помоечная, ему Прометееву подавай» (1, 307). Интересно, что Гаврилов подменяет орла вороном, при этом «снижая» его до уровня «помоечной твари». Наказание Прометея, таким образом, представляется ему не только как мучение, но и как глумление. Даже видя себя Прометеем, Гаврилов ждёт привычного унижения: «мелкому винтику» «не положен» орёл.

Обе эти роли (Герострата и Прометея) для фининспектора одинаково желанны, но доступна ему лишь первая. Её Гаврилов играет с гордостью, потому что самое большое мучение для него — ощущать свою посредственность: «Если талант есть боль полёта над бездной, то, может быть, Гаврилову вчетверо больней ввиду отсутствия бездны под ногами. <...> Когда-нибудь ради высшей справедливости и возникает бунт против обожествлённого Прометея — расковать

---

¹ Леонов Л. М. Пирамида: В 2 т. М.: Голос, 1994. Здесь и далее сноски на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

его, снять со скалы, отменить, насторого запретив ему дальнейшее страдание, возвысившее его над коленопреклонённой толпой!» (1, 309).

Однако Гаврилову предоставляется шанс подняться над собственной посредственностью: у него возникает необходимость «убрать» своего нежданно-негаданно вернувшегося дядю, чьи чересчур «откровенные» беседы с соседями по квартире грозили всему семейству Гавриловых самыми страшными карами за укрывательство «недобитого» «врага народа». Но своё намерение фининспектор так и не смог осуществить ни во сне (1, 466-467), ни наяву (1, 468). Принятие Гавриловым собственной посредственности знаменует его «прозрение». Именно поэтому фининспектор оставляет в покое лоскутовское семейство, навсегда забывая как о роли Прометея, так и Герострата.

«Маленький человек» у Леонова — это «маленький человек», пожелавший стать «титаном». Он хочет, чтобы ему дали то, что ему никогда не принадлежало, — талант, гениальность. «Маленький человек» у Леонова называет себя «истцом к истории» (1, 307). Он вменяет Богу в вину, что он создал всех людей «неравными»: «В вашем присутствии вопрошаю у небес — является ли Гаврилов действительно венцом творения или в качестве второстепенной детали общественного механизма — п я т к и — ему до конца дней положено пребывать в крошечных потёмках сапога?.. но, как видите, нет мне ответа» (1, 308).

Слово «пятка», выделенное разрядкой, возможно, отсылает к «индийскому» пласту в «Пирамиде», который играет, безусловно, важную роль в концепции романа. Как известно, из тела первого человека Пуруши возникли основные элементы социальной и космической организации: из рта — брахманы, жрецы, из рук — воины, из бёдер — земледельцы, из ног — шудры, низшее сословие и т.д. Такое гавриловское «самоопределение» показывает, что он видит себя не просто «мелким винтиком», а низшим из низших, «пяткой». К тому же здесь задействуется значение «изначальности» такого положения вещей через отсылку к мифу о Пуруше. Отсюда неизбежно возникает противоречие с «христианской» картиной мира (изначальное равенство — изначальное неравенство). Следует отметить, что в «Пирамиде» «индийское» постулируется как нечто более древнее,

фундаментальное, чем христианское учение, нечто, изначально и бессознательно присущее русскому человеку¹.

Теперь закономерно будет обратиться к образу режиссёра Сорокина, которого Гаврилов как раз считает человеком, наделённым «прометейством». Однако Сорокин — это тоже «посредственность», маскирующаяся под талант. Так, «числясь видным мастером кино и в меру своего гибкого, на любую надобность пригодного ума, он добровольно выполнял поручаемые ему казённые заказы, так что искусство никогда не было для него актом самосожженья, в котором зарождаются шедевры» (1, 110). Режиссёр так и не узнал, что скрывала та загадочная Дунина дверь, но сам этот образ навсегда остался для него начальной строкой «надэпохального создания», которое он никогда не сможет воплотить в жизнь. Именно на фоне этого «эскиза» к неизвестному гениальному творению резко проступает творческое бесплодие Сорокина.

Сталин видит в самом факте существования огня Прометея главную причину революций. С помощью ангела Дымкова он планирует уничтожить его, «стерилизовав» человечество. Опальный египтолог Филуметьев так описывает предполагаемый результат такой «операции»: «...наконец-то, на достигнутой фазе бытия, где во исполнение давних труженицких пожеланий на смену корыстному индивидуалистическому прометейству придёт эра всеобщего бесхитростного и радостного блаженства, где все станут Прометейми понемножку, всяк в своей области и уже на базе абсолютной стерильности от пороков и детского неведения зла, следовательно, без повседневной гонки за очередным миражем, без обчёта и лжи, потому что поровну. И не нужно завидовать, изворачиваться с получкой, умирать от какого-либо невыполнимого хотения, а только довериться тихонечко божественным машинам, взявшим на себя выбор и суд, мысль и муку сомнений...» (2, 211).

Таким образом, фигура Прометея становится одной из центральных мифологем «Пирамиды». Огненная стихия, чьим воплощением здесь становится

---

¹ Об этом подробнее см. нашу статью «"Индийский" пласт в романе Л. Леонова "Пирамида"» // Слово: Сборник научных работ студентов и аспирантов. Вып. 5. Тверь: ТвГУ, 2006. С. 75-80.

Прометей, амбивалентна: она либо поднимает человека на недостижимую высоту гения, либо всё уничтожает. Именно поэтому она так страшна для Сталина: огонь нельзя контролировать. Сорокин и Гаврилов, претендующие на обладание «божественным огнём», получают возможность стать Прометеями, но не способны ею воспользоваться. Поэтому и возникает обвинение в адрес Творца: почему люди, созданные по одному образу и подобию, неравны? Для таких «посредственностей» остаётся другой огонь — огонь Герострата, в котором гибнут величайшие творения искусства.

И. С. Беляева

КОД ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ДЕТЕКТИВА И ДОГАДКА О НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ РОМАНА В. НАБОКОВА «БЛЕДНОЕ ПЛАМЯ»: К ВОПРОСУ О ФИКЦИОНАЛЬНОМ КОММЕНТАРИИ

Роман Владимира Набокова «Бледное пламя» (1962) имеет славу «одного из наиболее сложных романов, когда-либо написанных»¹. Первая и изначальная его сложность – в структуре. Роман построен так, что не просто невозможно отделить «содержание», проблемно-тематическую структуру от формальных композиционных структур, но последние даже играют роль генераторов глубинных пластов «содержания»². На первый взгляд кажется, будто формально нам задана следующая *привычная* иерархическая схема текстов в книге:

- «первичный», главный, текст – поэма «Бледное пламя», принадлежащая перу поэта Джона Шейда;

---

¹ Kermode Frank. *Zemblances* // *New Statesman*. November 9, 1962. P. 671; цит. по: **Tammi Pekka**. *Problems of Nabokov's Poetics: A Narratological Analysis*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1985. P. 198.

² Левин Ю. И. Повествовательная структура как генератор смысла: текст в тексте у Х.Л. Борхеса // Левин Ю. И. *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. М.: «Языки русской культуры», 1998. С. 445. По части формальных приёмов, «изобретений и выдумок» у Борхеса и Набокова, этих «поэтов-волшебников, поэтов-чародеев» (Патриция Меривейл), действительно много общего.